

Графики совместного распределения значений угла встречи пули с преградой (в градусах) и глубины огнестрельных повреждений

Таким образом, в ходе проведенного статистического анализа данных комплексного исследования результатов лабораторного эксперимента установлено, что влияние угла встречи пули с преградой на наличие дефекта ткани во входных пулевых огнестрельных повреждениях, образовавшихся в результате рикошета, является статистически значимым с вероятностью более 99 % ($\chi^2 = 67,88742$; $p = 0,000$), что подтверждается для всех видов экспериментальных мишеней и преград (за исключением «Бетон 1»).

Кроме того, установлено статистически значимое влияние (вероятность более 95%) значений угла встречи пули с преградой на глубину основного повреждения биологических мишеней ($\chi^2 = 5,898088$; $p = 0,048$).

На основании вышеизложенного можно сделать некоторые выводы.

Результаты лабораторного эксперимента по формированию пулевых огнестрельных повреждений, образовавшихся в результате рикошета при выстреле из 9-мм пистолета Макарова, и последующего комплексного судебно-медицинского исследования экспериментальных мишеней с вероятностью 99 % доказали наличие обратной связи между возникновением дефекта ткани во входных пулевых огнестрельных повреждениях, образовавшихся в результате рикошета при выстреле из 9 мм пистолета Макарова, и значениями угла встречи пули с преградой ($\chi^2 = 67,88742$; $p = 0,000$), что подтверждается для всех видов экспериментальных мишеней и преград (за исключением «Бетон 1» в связи с отсутствием достаточного количества данных для анализа).

С вероятностью 95% установлено наличие обратной связи между глубиной входных пулевых огнестрельных повреждений биологических мишеней, образовавшихся в результате рикошета при выстреле из 9 мм пистолета Макарова, и значениями угла встречи пули с преградой ($\chi^2 = 5,898088$; $p = 0,048$).

1. Гусенцов А.О., Чучко В.А. Обеспечение безопасности при экспериментальном моделировании рикошета огнестрельного снаряда // Воен. медицина. Минск, 2011. № 2. С. 143–145.

2. Гусенцов А.О., Туманов Э.В., Чучко В.А. Особенности экспериментального моделирования рикошета огнестрельного снаряда // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. Минск, 2012. № 1 (31). С. 166–169.

3. Райский М.И., Живодеров Н.Ф. Минус ткани при огнестрельных повреждениях // Науч. тр. Саратов. гос. мед. ин-та. 1936. Т. 1. Ч. 3. С. 159–209.

4. Чучко В.А., Гусенцов А.О. Методика моделирования рикошета в экспериментальных условиях // Мед. журн. 2009 № 1 (27). С. 108–110.

5. Эйдлин Л.М. Огнестрельные повреждения. 2-е изд. доп. и перераб. Ташкент : Медгиз УзССР, 1963.

6. Houlden M. The distribution of energy among fragments of ricocheting pistol bullets // Forensic Sci. Society. 1994. Vol. 34 (1). P. 29–35.

7. Prahlow J. Gunshot Wound Deaths // Forensic Pathology for Police, Death Investigators, Attorneys and Forensic Scientists. 2010. P. 344.

УДК 347.77

Ю.А. Гуца

О ТИПИЧНЫХ ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Как показывает анализ практики расследования уголовных дел о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, совершаемом в сфере экономики, одними из наиболее распространенных и типичных проблемных моментов, непосредственно влияющих на судебную перспективу таких дел, яв-

ляются обоснованное и объективное определение и правильное с точки зрения закона документальное подтверждение общественно опасных последствий данного преступления.

Принимая во внимание, что состав рассматриваемого преступления является материальным, наличие, характер и механизм образования общественно опасных последствий как обязательного элемента его объективной стороны выступают важнейшими обстоятельствами, подлежащими установлению и доказыванию, без чего вести речь о результативности расследования бессмысленно.

Говоря о таких обстоятельствах, мы прежде всего подразумеваем: характер, размер, механизм образования материального ущерба; содержательную сторону и обстоятельства причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам; прямые причинно-следственные связи между преступными действиями субъекта злоупотребления и их общественно опасными последствиями.

Касательно материального ущерба, наши наблюдения свидетельствуют о том, что определение этой ключевой позиции, как и трактовка самого понятия «ущерб», на первоначальном этапе расследования, и особенно на стадии возбуждения уголовного дела, являются довольно сложными и уязвимыми. Большинство проблем в этой части возникают в вопросах механизма и субъектов определения ущерба, а также допустимости и достоверности сведений о нем.

Так, лицо, производящее дознание (чаще всего оперработник), в процессе сбора материалов (например, посредством наведения справок, официального истребования документов в организациях и проведения других процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий) в состоянии самостоятельно задокументировать размер ущерба, его характер и механизм образования. Однако ведомственные нормативные правовые акты органов предварительного расследования (в том числе и до образования Следственного комитета Республики Беларусь) фактически устанавливают обязательность назначения и проведения до возбуждения уголовного дела компетентными специалистами государственных контролирующих (надзорных) органов проверки финансово-хозяйственной деятельности организации, которой якобы этот ущерб был причинен злоупотреблением. Акт проверки с отражением характера, точных размеров ущерба, механизма его причинения и причастных к этому лиц является обязательным документом, подтверждающим достаточность оснований для возбуждения уголовного дела. Тем самым на практике имеет место ситуация, когда возбудить последнее по соответствующей части ст. 424 УК Республики Беларусь без предварительного проведения такой проверки фактически не представлялось возможным как ранее, так не представляется и в настоящее время.

На данный момент законодательством основания, порядок и субъекты проведения таких проверок урегулированы Указом Президента Республики Беларусь от **16.10.2009** № **510** (далее – Указ), который фактически является основным правовым актом прямого действия, регламентирующим контрольную (надзорную) деятельность в Республике Беларусь, а все проводимые проверки обязаны осуществляться на основании его норм и соответствующих положений и перечней, им утвержденных.

Вместе с тем правоприменительная практика изобилует примерами неурегулированности, спорности и коллизионности ряда принципиальных моментов, характерных для взаимоотношений контролирующих (надзорных) органов, уполномоченных проводить проверки финансово-хозяйственной деятельности субъектов, представляющих интерес, и органов уголовного преследования. Особо выраженный характер эта проблематика прослеживается во взаимоотношениях данных органов с оперативными подразделениями и службами правоохранительной системы, уполномоченными на выявление коррупционных и экономических преступлений в процессе оперативно-розыскного производства и проведения доследственных проверок по информации о злоупотреблении властью или служебными полномочиями должностными лицами коммерческих предприятий и иных организаций, в том числе финансируемых за счет бюджетных средств.

Так, в п. 21 Указа однозначно сказано, что он не применяется при осуществлении правосудия, а также уполномоченными государственными органами процессуальных действий, предусмотренных УПК Республики Беларусь, оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем специального нормативного правового акта, который бы регламентировал вопросы проведения проверок непосредственно в рамках отправления правосудия, осуществления уголовно-процессуальной либо оперативно-розыскной деятельности органов уголовного преследования нет. На наш взгляд, налицо юридически некорректное изложение п. 21 Указа. Направляемые органами уголовного преследования в компетентные контролирующие (надзорные) органы поручения о проведении проверок финансово-хозяйственной деятельности для разрешения вопроса о причиненном ущербе как по материалам на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного следствия являются специфическими формами привлечения специалистов и использования специальных знаний в уголовном процессе, следовательно, осуществляются в рамках УПК. В то же время привлеченные таким способом специалисты, проводя проверки, руководствуются исключительно нормами и положениями Указа, что формально и по сути вступает в противоречие с п. 21. До настоящего времени отсутствует официальное толкование того, что в Указе понимается под терминами «правосудие» и «уполномоченные государственные органы, осуществляющие «процессуальные действия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь или оперативно-розыскную деятельность». В практической деятельности это оборачивается тем, что

руководители коммерческих организаций приобретают право обжалования актов проверок последних специалистами контролирующих (надзорных) органов (в частности, комитетов государственного контроля, контрольно-ревизионных подразделений Министерства финансов), осуществленных по постановлениям следователей в рамках производства по уголовному делу о рассматриваемых злоупотреблениях, и добиваются признания их, полученными якобы с нарушением законодательства. Такие случаи имели место в Бобруйске, Витебске, Гомеле, Минске. С целью устранения данной проблемы, на наш взгляд, следовало бы изменить формулировку ч. 4 п. 21, предусмотрев, что Указ не применяется при непосредственном осуществлении уполномоченными государственными органами контрольной (надзорной) деятельности в рамках отправления правосудия, производства по материалам или уголовным делам либо оперативно-розыскной деятельности.

Проблемным моментом на стадии возбуждения уголовного дела и первоначальном этапе расследования являются допускаемые на практике разночтения в трактовке понятий «материальный ущерб» и «вред», возникающие при проведении проверок финансово-хозяйственной деятельности с целью установления и документального подтверждения характера и размеров материального ущерба, необходимых для возбуждения уголовного дела. Эти «нестыковки» в единообразии понимания имеют место среди специалистов (ревизоров) контролирующих (надзорных) органов, и должностных лиц органов уголовного преследования (следователь, руководитель следственного подразделения, лицо, производящее дознание и их руководители).

Разночтения, имеющиеся в виду, определяются юридической природой данных понятий. По нашему мнению, материальный ущерб является уголовно-правовой категорией, подразумевающей прямой реальный материальный убыток, понесенный в результате преступного деяния, наступление которого является прямым следствием последнего. Вместе с тем УК Республики Беларусь не дает официальной единообразной интерпретации. В свою очередь, понятие вреда, используемое специалистами (ревизорами) контролирующих органов, является более широким, нежели понятие материального ущерба. Но и конкретного универсального определения первого также не существует, поэтому в его понимании тоже отсутствует единообразие. В настоящий момент основным руководящим документом в деятельности последних является Инструкция о порядке определения размера причиненного государственному имуществу вреда в связи с утратой, повреждением (порчей), недостачей при проведении проверок финансово-хозяйственной деятельности государственных юридических лиц, утвержденная постановлением Министерства финансов Республики Беларусь и Министерства экономики Республики Беларусь от **24.03.2003** № **39/69**. В соответствии с п. 4 данной Инструкции вред выражается в фактической стоимости похищенного, недостающего, уничтоженного имущества, либо в сумме, составляющей разницу между стоимостью государственного имущества до и после его повреждения, либо в стоимости восстановления (ремонт, необходимое комплектование и т. п.) поврежденной вещи в пределах возмещения реального ущерба, размер которого определяется в соответствии с Инструкцией. Пункты 5 и 7.2 в размеры причиненного вреда дают возможность включения упущенной выгоды, связанной, например, с незаконным использованием чужими денежными средствами. Вместе с тем упущенная выгода ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться в качестве материального ущерба, влекущего уголовно-правовые последствия, наступление которых является одним из ключевых оснований для возбуждения уголовного дела.

Таким образом, вред, устанавливаемый ревизорами (специалистами) в процессе проверки и отражаемый в акте, не всегда является тождественным понятию «материальный ущерб», предусматривающему уголовную ответственность. Следовательно, акты проверок в этой части не могут приниматься безоговорочно, а изложенные в них выводы, касающиеся вреда, подлежат всесторонней критической оценке.

И в настоящее время в практической деятельности как органов уголовного преследования, так и специалистов (ревизоров) контролирующих (надзорных) органов отсутствует исчерпывающее понимание того, какие последствия, вытекающие из сферы экономических отношений и отдельно взятых хозяйственных операций (сделок), должны единообразно приниматься в качестве вреда, влекущего наступление оснований для возбуждения уголовного дела и уголовную ответственность. Так, по одному из эпизодов уголовного дела о злоупотреблении служебными полномочиями генеральному директору Д. ОАО «Гомельский мясокомбинат» было предъявлено обвинение в том, что он в **2002–2006** гг. лично давал указания своему заместителю по коммерческим вопросам об отпуске продукции предприятия (свиных полуфабрикатов, колбасных изделий) коммерческим структурам Москвы по индикативным ценам, которые были ниже сложившихся на тот момент рыночных, что делало рентабельность реализации продукции нулевой или отрицательной. Данное обстоятельство было установлено в процессе проведения проверки отдельных вопросов финансово-хозяйственной деятельности мясокомбината. Следствие на основании выводов ревизоров посчитало, что Д. нанес ущерб мясокомбинату в размере разницы между договорными (отпускными) ценами и рыночными (хотя отпуск продукции по рыночным ценам существовал) ценами, влияя на показатели нормы прибыли (хотя отпуск продукции по рыночным ценам существовал) ниже порога рентабельности. – Ю. Г.). В ходе судебного рассмотрения защита заявила ходатайство об оправдании Д. по данному эпизоду, так как вмененная сумма разницы между ценами являлась ничем иным, как завуалированной упущенной выгодой, которую могло бы получить предприятие, но не получило в силу как специфики рыночных отношений, в плоскости которых реально функционировало, так и

самого понятия рыночных цен, являющихся эфемерной величиной, носящей оценочный характер. Суд первой инстанции принял во внимание доводы защиты и исключил данный эпизод из обвинения [1].

В другом случае судом Чашникского района по ч. 3 ст. 424 УК Республики Беларусь был осужден Н., заместитель председателя Чашникского районного потребительского общества (райпо), который, злоупотребляя служебными полномочиями, содействовал в реализации зданий и сооружений, принадлежащих ЧУП «Чашникский коопзаготпром», частным коммерческим структурам по ценам ниже балансовой стоимости, что повлекло причинение особо крупного материального ущерба. Суд не принял во внимание доводы защиты о том, что продаваемые здания и сооружения находились в ветхом и аварийном состоянии, а их рыночная стоимость, по которой они и были проданы, – значительно ниже балансовой. Вместе с тем суд также не согласился с суммой материального ущерба, который предварительным следствием был вменен Н. на основе выводов ревизоров, зафиксированных в акте проверки финансово-хозяйственной деятельности [2].

Минским областным судом в кассационной инстанции был отменен обвинительный приговор суда Любанского района по уголовному делу в отношении С., заместителя председателя Любанского райпо, который при решении вопроса о выделении средств на осуществление заготовок дикорастущей продукции путем закупок ее у населения из личной заинтересованности допустил нецелевое расходование наличных денежных средств, что, по мнению следствия, привело к дезорганизации заготовительной работы в райпо и неполучению прибыли в размере около 80 млн рублей. Основанием для такого определения ущерба послужил акт проверки, проведенной службой ведомственного контроля Белкоопсоюза [3].

Таким образом, в описанных примерах должной критической оценки природы величин материального вреда и решения вопроса его тождественности понятию материального ущерба, влекущего уголовную ответственность по ст. 424 УК Республики Беларусь, следствием ни по одному из приведенных выше примеров произведено не было.

В настоящий момент мы вправе констатировать широкую распространенность описанной проблемной ситуации в правоприменительной практике. По нашему мнению, выходом из нее могли бы быть выработка единого подхода и внедрение унифицированной методологии определения размеров материального ущерба и позиций, отражаемых специалистами (ревизорами) контролирующими (надзорными) органов в актах проверок финансово-хозяйственной деятельности как материальный вред, которые должны в безоговорочном порядке органами уголовного преследования и судами приниматься в качестве материального ущерба по уголовному делу.

Систематизируя результаты наших исследований, мы можем предложить следующий перечень таких позиций: сумма прямых убытков; разница в стоимости отчужденного (в том числе в процессе разгосударствления и приватизации), минуя аукцион или иные безальтернативные способы, имущества предприятия, т. е. между реальной (фактической) его стоимостью (в том числе балансовой, а при условии отчуждения высоколиквидного имущества, – рыночной) и ценой продажи по факту; суммы наложенных комитетами государственного контроля Республики Беларусь, областей и г. Минска, налоговыми и иными компетентными государственными органами штрафных санкций, которые предприятием были уплачены в качестве прямых последствий совершения должностным лицом, состоящим у него на службе и действовавшим от его имени, злоупотребления своими властью или служебными полномочиями в рамках конкретных хозяйственной операции либо управленческого действия; сумма удовлетворенных общими или хозяйственными судами и обращенных к взысканию, а равно взысканных исковых требований к организации, на службе в которой состоит должностное лицо, совершившее злоупотребление, непосредственно в результате которого был причинен ущерб третьим лицам, впоследствии выступившим в качестве истцов; суммы затрат предприятия по ликвидации последствий совершенного должностным лицом, состоящим у него на службе, злоупотребления властью или служебными полномочиями, включая затраты, связанные с восстановлением чести, достоинства и деловой репутации предприятия; стоимость временно заимствованного имущества, изъятие которого из оборота причинило существенный вред интересам предприятия, государственным или общественным интересам.

1. Архив Гомельского областного суда. Дело № 1-207/2012.

2. Архив суда Чашникского района. Дело № 39у.

3. Архив суда Любанского района. Дело № 13.

УДК 343.98

А.В. Дешук

АНАЛИЗ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПОДРЯДНЫХ ТОРГОВ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575, в качестве основных потенциально либо реально существующих угроз национальной безопасности выделяются коррупционные проявления.